

К.С. Калинина

«Из жизни духа» И.А. Новикова как неореалистический роман

В статье анализируется роман И.А. Новикова «Из жизни духа» как неореалистическое произведение, в котором представлены реалистическое начало и черты модернистской поэтики; выявлены философский смысл романа, отход от позитивизма, лиризм и синкретизм повествования.

The article considers the novel «Of the Life of Spirit» by I.A. Novikov as a Neo-realist piece of writing. The study reveals the novel's realistic origin and features of modernist poetics, elicits its philosophical idea, lyricism, syncretism of narration and retreat from positivism.

Ключевые слова: роман; неореализм; реалистическое начало; модернистская поэтика; лиризм.

Keywords: novel; Neo-realism; realistic basis; modernist poetics; lyricism.

Исследователи русской литературы начала XX века относят раннее творчество И.А. Новикова к «новому реализму». Так, Е. Колтоновская в статье «Возрождение романа» (1916) отмечает присущие писателю особенности модернистской поэтики и традиционного реализма, «изысканность приёмов» и «обстоятельность... психологического анализа и внешней обрисовки лиц» [5: с. 29].

В начале XXI века интерес к этому художественному феномену возрождается на новом витке. М.В. Михайлова говорит о «новом Новикове» — «Новикове эпохи всеединства и неореалистических принципов творчества», который оказался с трудом «внедряемым» в современное литературоведение. «Неореалистические основы художественной системы писателя, — по словам исследователя, — верность которым он сохранил и в первое советское десятилетие», были заложены благодаря религиозно-мировоззренческому кризису начала XX века, усилению пантеистического мироощущения в христианской «огласке», а также дружбе с Б. Зайцевым [7: с. 10]. У.К. Абишева рассматривает раннюю прозу И.А. Новикова в одном ряду с произведениями Б.К. Зайцева, И.С. Шмелёва, С.Н. Сергеева-Ценского: «Идея личности сложной, глубокой, психологически тонкой, пребывающей в неразрывном единстве с Космосом», нашла отражение в ранних произведениях этих художников-неореалистов [2: с. 49].

Термин «неореализм» В.А. Келдыш определяет «как особое течение внутри реалистического направления, больше, чем другие, соприкасавшееся с процессами, протекавшими в модернистском движении, и освобождавшееся от сильного натуралистического веяния, окрасившего широкое реалистическое движение предыдущих лет» [4: с. 262].

У.К. Абишева и Т.Т. Давыдова по-разному понимают неореализм начала XX века. Так, У.К. Абишева разделяет позицию В.А. Келдыша, считая, что неореализм — это «новый этап в развитии реализма» [2: с. 263].

От теории реализма «новой волны» отличается концепция неореализма («синтетизма») Т.Т. Давыдовой: «Неореализм — постсимволистское литературное модернистское стилевое течение 1910–1930-х гг., основанное на неореалистическом художественном методе. В этом методе синтезированы черты реализма и символизма при преобладании последних» [3: с. 28]. Вопросы развития неореализма и истории его изучения рассматриваются в сборнике научных статей «Неореализм в русской литературе конца XIX – первой трети XX века» [9].

Неореализм не имел разработанной теоретической программы, однако анализ исследований на эту тему позволяет выявить репрезентативные признаки, которые выделяют его внутри реалистического направления как самостоятельное течение:

- обращение к идеям и художественным принципам реализма, их специфическое восприятие и преломление;
- использование художественного арсенала модернистской поэтики (импрессионистические и экспрессионистические стилевые приёмы, символы и др.);
- тяготение к многомерному синтезу, жанрово-стилевым экспериментам;
- внимание к философской проблематике, метафизике и «вечным» темам;
- отказ от позитивизма, особое внимание к внутреннему миру героя, к жизни его души;
- опора на лирические принципы организации повествования.

«Из жизни духа» — первый роман И.А. Новикова. Произведение впервые было опубликовано в 1906 году в Санкт-Петербурге, второе издание вышло в 1916 году в Ярославле, и с тех пор роман не переиздавался. Известно, что работу над ним писатель начал в 1903 году, о чём можно судить на основе воспоминаний его современников: «И.А.Новиков в 1903–1904 годах в Гурзуфе писал роман «Из жизни духа» и каждый раз ставил перед собой розу» [8].

Роман «Из жизни духа» посвящён жизни и проблемам учащейся молодёжи, духовным борениям человека. Автор попытался создать художественное исследование внутреннего мира молодого поколения, отобразить настроения студенческой молодёжи в предреволюционные годы. О героях-студентах критика писала, что «это история жизни нежных и хрупких аристократов духа, которые не могут построить жизнь по своему идеалу» [10: с. 660].

Реалистическое начало проявляется в тексте на разных структурных уровнях. Так, в романе постоянно конкретизируется место действия (Ивановский проезд [1: с. 69], Выселки [1: с. 74], Петровка [1: с. 248], Москва [1: с. 253], Крым [1: с. 254]) и время описываемых событий («обаяние наступающей весны» [1: с. 13], «в парке слышали выстрел и нашли тотчас, и уже в восемь утра знали все» [1: с. 184], «дышало предчувствием осени, хотя август едва начался» [1: с. 248], «прощался с Москвой на те же два года» [1: с. 246], «всего три недели, как он из Москвы» [1: с. 253]).

Реалистические принципы повествования получают развитие в обращении к злободневным социальным и политическим проблемам: классового неравенства, морального разложения, революционных брожений, нарастающих в обществе. В романе есть революционеры (Григорий Огнев, Вася Неломов) и сочувствующие им (Безсонов), мученики (Груша, Борис) и грешники (Безсонов, Золотов).

Новиков умело передаёт жизненную конкретику, бытовые мелочи. Описывая обстановку в студенческом общежитии, автор обращает внимание на следующие реалии: «Грязноватые стаканы на столе, полудопитые и пустые, два больших жестяных чайника и маленький для чаю <...> Корочка лимона и огрызки колбасы; корка старого сыра» [1: с. 75]. Эпизод подготовки к экзаменам с упоминанием имён Сенебье, Сальма Горстмара [1: с. 128] позволяет предположить, что обучаются студенты в Сельскохозяйственной академии (студентом которой был сам Новиков).

В центре романа — взаимоотношения полов, освещавшиеся многими *модернистами*. Трагическая судьба Груши, обещанной студентом Золотовым, связь Бориса Игнатова и Лизы, душевные муки студента Безсонова, погрязшего в разврате, помогают раскрыть данную проблему с разных сторон. Развивая идею В.С. Соловьева о мистической сущности мира и любви, Новиков противопоставляет «плоть» и «дух»: «День света и духа и воскресения. И ночь тьмы и плоти и... смерти» [1: с. 181]. По мнению одного из героев, страсть — это «темный порыв», который уродует «простое, великое чувство любви, радости природы, обещание вечной жизни ей» [1: с. 18]. Два полюса человеческого характера — святое и звериное — показаны в произведении. Новиков продемонстрировал *новый тип художественного сознания*, характерный для писателей начала XX века.

Из многочисленных форм выражения *лирического начала* в романе И.А. Новикова наиболее глубокой является экспрессивная символика, переводящая содержание произведения из реально-бытового плана в *символично-романтический*. Одним из ключевых образов в произведении предстает образ сада. Впервые он появляется в 10 главе: «тенистый, глухой сад» [1: с. 40], «казалось, что сразу, после шума и света городских людских улиц, попал в старую, глухую усадьбу, где жили из поколения в поколение, любили, страдали и веселились древние помещичьи роды» [1: с. 41]. В саду происходят поворотные события, необходимые для развития любовной коллизии: впервые встречаются наедине Огнев и Зина, приоткрывается тайна чувств Аверьянова к Кире.

У неореалиста М.М. Пришвина «образ рая связывается с садом и с неким местом на границе между небом и землей» [3: с. 114]. Новиковский образ сада также включает в себе эту коннотацию — сад подобен раю. С одной стороны, это место, где герои могут остаться наедине со своими мыслями, найти умиротворение. С другой, именно в саду Лиза и Борис поддаются зову страсти, здесь происходит их «грехопадение». *Символика сада*, одновременно реального и символического, рождает философские представления о жизни.

Не менее важную роль в создании *лирико-философского* плана повествования играет пейзаж. Человеческие чувства в романе проецируются на природу.

Мотивы тишины, темноты, дождя передают боль, одиночество, тоску: «Жуткий это был вечер, ненастный, осенний; ветер окнами завывал, моросил частый дождик. Глухо на улице, вымерло все» [1: с. 42] (вечер, когда умер отец Огнева). Чаще всего в беспросветное время суток герои томятся одиночеством, нуждаются в ком-то, погружаются в размышления. Традиционно с рассветом дня приходит всё благое: «В доме все еще спали, и он был один с распускающимися деревьями, рано и бодро вставший <...> И душа, опять молодая, возродившаяся, жаждала новых впечатлений, была открыта навстречу им» [1: с. 85]. Весна связывается с надеждами, осень — со смертью, разочарованием, крушением ожиданий (отец Огнева умирает осенью; Огнев выходит из тюрьмы в начале августа, но автор отмечает, что «бодрящим холодом в наступающий вечер дышало предчувствие осени» [1: с. 248], и через три недели герой узнаёт о смерти Киры). Лирико-символическое значение в произведении приобретает описание грозы в заключительных главах романа: «Все небо в тучах. Черные демоны собрались со всей вселенной и ведут перебранку, и кто-то вторит им из самых недр земли, и дрожат горы» [1: с. 262]; «Грянул гром и налетел, закружил вихрь. Загрохотали тысячи пастей. Это был крик торжества и дикой радости, гимн стремительной и безумной, мировой великой борьбы» [1: с. 266]. В этих описаниях расшифровывается оценка мира как борьбы добра и зла, справедливости и несправедливости, счастья и страдания.

Ницшеанский мотив — «мир, покинутый Богом» [3: с. 113], характерный для *модернистской поэтики*, звучит неоднократно на страницах романа: «Нет силы, равной смерти, ибо нет Бога, нет бессмертия» [1: с. 173], «В храме просторно, — нет Бога. Но все полно ароматом его дыхания» [1: с. 247]. Герои произведения мучаются вопросами веры. Особенно остро переживает религиозный скептицизм Борис Игнатов: «Что делать? Боже, где правда? Где она? Куда идти душе, изломанной в этом мире земли и плоти? Если ты есть... Молю и рыдаю... И всю душу, всю трепещущую, обнаженную, несу тебе на алтарь... Где же Ты? Где? <...> Но не было отзвука» [1: с. 172].

Мотив смерти — ведущий мотив в творчестве Новикова, свидетельствующий о потребности в философском осмыслении жизни. Смертью героев заканчиваются многие произведения писателя. В романе «Из жизни духа» умирает от чахотки Кира, заканчивают жизнь самоубийством Груша и Борис, перед лицом смерти на дуэли стоят Петр Гагарин и Золотов. Образ смерти амбивалентен. С одной стороны, он вызывает дрожь, тревогу, ужас: «смерть всегда близка» [1: с. 116], «насмешливой, лживой улыбкой смерти» [1: с. 134], «ужасом пахнуло от этого слова» [1: с. 172]. В то же время смерть — это категория не вечная: «Да, смерть сильнее гения, сильнее беспокойного духа... Пока! Но придет и ее время. Придет смерть и для самой смерти...» [1: с. 174].

Художественный синтетизм в романе проявляется на разных уровнях: в тексте произведения взаимодействуют *фантастическое* и *мифопоэтическое*, *лирическое* и *философское* начала, присутствуют элементы агиографии.

Сон Огнева, с которого начинается произведение, ассоциируется с мотивом удаления подвижника в пустынь: герой идет по пустыне навстречу солнцу, песок жжёт его босые ноги, острые камешки вонзаются в кожу, хочется пить. Образы пустыни, океана, огня, Василиска, птиц в контексте произведения приобретают символическое звучание.

Синтез комического и философского реализуется в образе поэта Аверьянова, соседа Игнатовых по деревне. Комичен внешний вид этого человека: он тонок, сух, костляв, «громадна, не по туловищу голова его», «походил он на человека, только что вылезшего из пробирки алхимика» [1: с. 137]. Аверьянов близорук, но его глаза, «казалось, глядели в иной мир и видели там свое» [1: с. 139]. Образ поэта углубляется с помощью мистической детали: на его манжете висит череп, так герой приучает себя к мысли о смерти.

Синтетические представления о жизни и Вселенной нашли отражение в идее русского космизма, признававшего единство мира, целостный характер бытия и причастность человека к космосу. Стержневой принцип философского космизма — положение о единстве Макрокосма и Микрокосма — Вселенной и Человека. Борис Игнатов в разговоре с Петром Гагариным говорит о важности самовосприятия себя частью мироздания: «И пока есть эта вера, пока думаешь, что *ты хоть атом в этом великом потоке к свету из глубины*, тогда еще можно жить...» [1: с. 116] (курсив мой. — К.К.). На страницах романа прослеживаются многообразные связи изображаемой жизни. Автор высказывает мысль о том, что «ничто не проходит в мире бесследно и природа ревниво хранит все колыбели возможностей» [1: с. 71]. Доказательством этого может служить пересечение судеб Груши и Гагарина. Всего раза три-четыре видел Петя девушку в парке по праздникам, но и её взгляд остался в его памяти. Не понимая почему, Гагарин вспоминает Грушу, катаясь на лодке по пруду, а девушка в это время сидит на берегу и готовится к самоубийству. Эта внутренняя связь героев свидетельствует о взаимовлиянии во Вселенной мыслей, судеб, событий.

Обратимся к проблеме *личности и среды* в романе. Новиков делает акцент на *активности личности*, а не на *зависимости от социального окружения*. Писателя привлекает *метафизическое, природное*. Название романа «Из жизни духа» настраивает на погружение во внутренний мир человека. Для героев произведения характерны созерцательность, погруженность в собственные раздумья, философские искания, стремление к познанию бытия и желание достигать наивысших ценностей (например, Огнев мечтает о преобразованиях в стране, Борис Игнатов — о целомудренной святости).

«Почти в каждом из произведений Новикова рядом с рефлектирующими интеллигентами есть люди стихийного склада, чаще всего женщины» [6: с. 3]. В романе «Из жизни духа» такой героиней является старшая сестра Бориса Игнатова — Зинаида Петровна. Образ Зины строится с помощью *экспрессивных форм* выражения и контрастов: «она у нас бурная» [1: с. 44], «сильна она» [1: с. 45],

«сестра, такая резкая и жестокая на словах» [1: с. 58], «что-то неуравновешенное, и сильное, и красивое было в ней» [1: с. 191], «ваш голос — это звон колокольчика из серебра» [1: с. 145], «захохотала совсем истерически, хотела еще выпить вина, но потеряла силы и, опустившись на стул, зарыдала» [1: с. 256]. Основные эпитеты, сопровождающие героиню, — «гордая», «сильная», «красивая», «одинокая».

Необычен *авторский стиль* повествования. Благодаря причудливой связи различных тропов писатель создаёт особенный язык произведения: «будет отвлечение невыразимое смешано с тайной и острой отрадой, с неотразимым влечением страсти» [1: с. 5], «оно смотрит на них тремя рядами глаз, наполовину закрытых и темных, наполовину светящихся» [1: с. 72], «было похоже, что это расцвел пламенно красный, пышный цветок, молодой, полный радости жизни» [1: с. 175] и др. *Экспрессивность* передаётся с помощью ритмической структуры повествования. Ритмизация достигается за счёт синтаксического параллелизма («Последний поцелуй. Последний взгляд. Последнее рыдание...» [1: с. 178]), обилия восклицательных, вопросительных предложений, многочисленных многоточий. *Импрессионистичность* стиля автора проявляется во фрагментарности синтаксиса и в структуре описаний, распадающихся на ряд небольших предложений: «Тихая гладь на воде. Упругая свежесть дышит в лицо. Ветер затих. Мягко, бесшумно плывут» [1: с. 25].

Итак, неореализм в романе «Из жизни духа» проявляется как на формальном, так и на мировоззренческом уровне. Своеобразное мировидение Новикова-неореалиста выражается в соединении реалистической достоверности с метафизическим устремлением к надвременному, невозможному. Структурообразующую роль в произведении играют синтетизм и отчётливая лирико-философская интонация. Модернистская поэтика реализуется в мотивах, в использовании мистических деталей, образов-символов, импрессионистического пейзажа и экспрессивных форм выражения.

Библиографический список

Источники

1. Новиков И.А. Из жизни духа: роман. 2-е изд. Ярославль: К.Ф. Некрасов, 1916. 269 с.

Литература

2. Абишева У.К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 284 с.
3. Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелёв, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 336 с.
4. Келдыш В.А. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН. Наследие, 2000. 960 с.
5. Колтоновская Е. Возрождение романа // Русская мысль. 1916. № 5. С. 29–34.
6. Колтоновская Е. Преодоление рационализма (Творчество И. Новикова) // Речь. 1916. № 230. С. 2–4.

7. Михайлова М.В. Сборник И.А. Новикова «“Яблочный барин” и другие рассказы»: принципы составления // Орловский текст российской словесности. Творчество И.А. Новикова: мат-лы Междунар. науч. конф. к 135-летию со дня рождения И.А. Новикова / Отв. ред. Л.В. Дмитриухина. Мценск: Мценск. центр. город. биб-ка им. И.А. Новикова, 2013. 130 с.

8. Полушина Т.В. Коллекция И.А. Новикова в собрании Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (Штрихи к портрету писателя) / URL: <http://novikov-library.ru/index.php?menu=430413>, режим доступа: свободный.

9. Смирнова А.И. Неореализм в русской литературе XX века: современные аспекты изучения // Неореализм в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: сб. науч. тр. М.: МГПУ, 2011. С. 46–56.

Справочные и информационные издания

10. Грачёва А.М. Новиков И.А. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / Под ред. Н.Н. Скатова. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 660–661.

References

Source

1. Novikov I.A. Iz zhizni duxa: roman. 2-e izd. Yaroslavl': K.F. Nekrasov, 1916. 269 s.

Literatura

2. Abisheva U.K. Neorealizm v russkoj literature 1900–1910-x gg. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005. 284 s.

3. Davy'dova T.T. Russkij neorealizm: ideologiya, poe'tika, tvorcheskaya evolyuciya (E. Zamyatin, I. Shmelyov, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.): ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2005. 336 s.

4. Keldy'sh V.A. Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-x godov). Kn. 1. M.: IMLI RAN. Nasledie, 2000. 960 s.

5. Koltonovskaya E. Vozrozhdenie romana // Russkaya my'sl'. 1916. № 5. S. 29–34.

6. Koltonovskaya E. Preodolenie racionalizma (Tvorchestvo I. Novikova) // Rech'. 1916. № 230. S. 2–4.

7. Mixajlova M.V. Sbornik I.A. Novikova «“Yablochny'j barin” i drugie rasskazy'»: principy' sostavleniya // Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti. Tvorchestvo I.A. Novikova: mat-ly' Mezhdunar. nauch. konf. k 135-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Novikova. / Otv. red. L.V. Dmitryuxina. Mcensk: Mcensk. centr. gorod. bib-ka im. I.A. Novikova, 2013. 130 s.

8. Polushina T.V. Kollekcija I.A. Novikova v sobranii Orlovskogo ob"edinyonnogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I.S. Turgeneva (Shtrixi k portretu pisatelya) / URL: <http://novikov-library.ru/index.php?menu=430413>, rezhim dostupa: svobodny'j.

9. Smirnova A.I. Neorealizm v russkoj literature XX veka: sovremennyy'e aspekty' izucheniya // Neorealizm v russkoj literature koncza XIX – pervoj treti XX veka: sb. nauch. tr. M.: MGPU, 2011. S. 46–56.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Grachyova A.M. Novikov I.A. // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety', dramaturgi: biobibliograficheskij slovar': v 3 t. / Pod red. N.N. Skatova. T. 2. M.: OLMA-PRESS Invest, 2005. S. 660–661.